

12709

1770.

12/02.

77249

Куль.
пшоржиль Универс
вотин. 1878

12709.

Буданов М.В.

Устройство и управление городовъ Россіи, т. I. Введеніе. Города
ст. С.-Петербургъ 1875. И. Дитяткина.

Городское самоуправленіе въ Россіи. Городское самоуправленіе до 1870 г.
Ярославль 1877 г. (по другому заглавію: Устройство и управление городовъ
Россіи, т. II). Еложе.

54211

Русская ученая критика въ большомъ и просроченномъ долгу передъ авторомъ двухъ сочиненій, заглавія которыхъ мы выписали. Первое изъ нихъ вышло три года назадъ. Въ промежутокъ между появленіемъ перваго и втораго, авторъ, вѣрный своей задачѣ, напомнилъ о ней двумя брошюрами: „Очеркъ исторіи цеховъ въ западной Европѣ“, Ярославль 1875 г. и „Наше городское самоуправленіе“, Яросл. 1876 г. (актовая рѣчь). Такое долговременное служеніе одной идеѣ, важность этой пдеи и достоинство сочиненій, посвященныхъ ей, возлагаютъ вину въ молчаніи ученой критики о нихъ не на автора, а на самую критику. Намъ извѣстна только одна газетная статья А. Д. Градовскаго по поводу втораго изъ названныхъ большихъ сочиненій.

Мы сказали сейчасъ, что *важность предмета*, которому авторъ до сихъ поръ посвящалъ всѣ свои литературные труды, уже сама по себѣ достойна привлечь вниманіе мыслящаго человѣка. Оцѣнивая всякій трудъ, нельзя упускать изъ виду не только количество и качество затраченнаго труда, но и то, къ чему онъ приложенъ. Нашъ авторъ обнаружилъ здравый историческій и политическій вкусъ, выбравъ предметомъ своихъ постоянныхъ и долговременныхъ занятій—русское городское самоуправленіе.—Дѣйствительно, первая проба всякаго самоуправления во всѣхъ государствахъ какъ классическаго міра, такъ и новой

39

Библиотечка ИИО СССР

Европы, дается въ городскомъ сомоуправленіи. Даже болѣе, первое
 понятіе о политическомъ началѣ (государственномъ въ отличіе отъ ча-
 варождается въ городѣ (polis, отсюда πολιτεία). Понятіе о го-
 тсчерпывается понятіемъ города.

то въ древней Греціи, тоже повторилось въ древнемъ Римѣ,
 ликанскую эпоху, государство составлялъ urbs. Подобное
 (оже) замѣчается и въ западной Европѣ, гдѣ послѣ господ-
 права (феодализма) въ политической сферѣ, эта послѣд-
 ницается отъ примѣси частнаго права только благодаря
 общинамъ. Наконецъ роль городского самоуправления въ
 исторіи государственнаго управленія (и самой идеи государства)
 не менѣе значительна и въ судьбахъ нашего отечественнаго права.

Не даромъ въ послѣднее время, всѣ сочиненія, трактующія о за-
 чаткахъ русской государственной жизни, невольно склоняютъ свою
 рѣчь къ изслѣдованію темныхъ вопросовъ о древне-русскомъ городѣ и
 городскихъ народныхъ собраніяхъ. Не мало было въ прежнее время
 и попытокъ изобразить собственно исторію русскаго города и город-
 скихъ состояній (населенія города). Многимъ памятны еще труды Пло-
 шинскаго, Пригары и др.

Но эти изслѣдованія, стремившіяся выдѣлить свой предметъ (го-
 родъ) изъ прочихъ предметовъ исторіи государства съ древнѣйшихъ
 временъ, терпѣли весьма ожидаемую неудачу. Съ древнѣйшихъ вре-
 менъ и до Петра, русскій городъ можетъ быть разсматриваемъ только
 какъ нераздѣльная и органическая часть государства, его самоуправле-
 ніе есть не только часть государственнаго управленія, но все государ-
 ственное управленіе (вѣчевыя формы). Поэтому излагать исторію го-
 рода до Петра, съ современной намъ точки зрѣнія на городъ, довольно
 трудно.

Другое дѣло послѣ Петра (или, пожалуй, съ кон. XVII в.): тогда
 изъ массы населенія (служилаго и тяглаго) выдѣлено одно сословіе—
 городскихъ обывателей, понятіе города специализируется и становится
 удобнымъ для особаго манюграфическаго изученія. Именно эта эпоха
 русскаго города и служить предметомъ изслѣдованій г. Дитятинна.

Если чрезъ это задача лишается отчасти своей общеисторической
 важности въ одномъ отношеніи, за то выигрываетъ въ другомъ: предъ
 изслѣдователемъ отърывается рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ: какъ со-
 глашались (и могли ли быть соглашены) интересы сословные съ инте-

ресами общинными? Почему мѣры, направленные къ созданію цѣлаго (во всемъ государствѣ) средняго (мѣщанскаго) сословія не помогали развитію общиннаго городского самоуправленія, а разрушали его? Предъ изслѣдователемъ открывається двойственная задача, одна часть которой уходить въ область сословнаго права, другая въ сферу исторіи самоуправления. Если обѣ эти сферы являются слитно въ законодательныхъ мѣрахъ, то автору предстоитъ постоянно имѣть въ виду ихъ раздѣльность и противоположность. И въ этомъ послѣднемъ смыслѣ вопросъ о городахъ не перестаетъ быть однимъ изъ важныхъ вопросовъ русскаго государственнаго и административнаго права.

Авторъ во многомъ согласенъ съ тѣмъ, что сейчасъ сказано относительно его задачи; но не во всемъ. По его мнѣнію городъ, какъ предметъ изслѣдованія, есть одна изъ формъ общества въ противоположность государству, или какъ онъ называетъ его иначе—*общины*: „община всегда стояла между личностью и государствомъ“, говоритъ онъ (стр. 2). А такъ какъ городская община самая важная среди прочихъ родовъ общинъ, то понятно вниманіе къ ней со стороны историковъ и публицистовъ запада Европы; а стало быть понятны и мотивы, опредѣлившіе выборъ предмета и у нашего автора (стр. 3—5).

Не будемъ спорить о понятіи „общества“, какъ среднемъ терминѣ между личностью и государствомъ; мы знаемъ, что съ давняго времени западно-европейскіе публицисты видятъ въ этомъ понятіи панацею противъ всѣхъ золъ, возникающихъ изъ противоположности между указанными двумя (т. е. личностію и государствомъ). По нашему мнѣнію самое понятіе „общества“ есть недоразумѣніе, возникшее изъ того, что подъ государствомъ иногда разумѣютъ лишь государственную власть, упуская изъ виду другой столь же необходимый элементъ государства—населеніе. Все, что называется обществомъ (или общиной), будутъ ли то естественные союзы, въ родѣ города, сельской общины, или искусственные (если послѣдніе имѣютъ въ виду общественныя, а не личныя задачи), всѣ они падаютъ въ обширное понятіе государства, составляють его живыя органическія части. Изслѣдованіе о нихъ будетъ изслѣдованіемъ объ органахъ и функціяхъ государства. Не продолжая этого спора съ его теоретической стороны, достаточно указать въ частномъ примѣрѣ, что говоритъ самъ авторъ о средневѣковомъ городѣ: „Средневѣковой городъ получилъ въ XII в. значеніе общины, пользующейся почти всѣми правами государственной власти, представляя собою го-

сударство въ государствѣ...“ и т. д.; затѣмъ идетъ оцѣнка значенія города по отношенію къ феодальному государству, изъ которой оказывается, что городъ не только по отношенію къ прочимъ частямъ государства, но и въ своемъ внутреннемъ устройствѣ и управленіи былъ зиждительною силою и зародышемъ ново-европейскаго государства. Всѣмъ извѣстно, что многіе (т. н. вольные города) обратились въ суверенныя государства. Если и въ этомъ послѣднемъ случаѣ городъ есть только община (противопологаемая государству), то гдѣ же государство?

Мы не стали бы спорить объ этихъ общихъ понятіяхъ, если бы они, будучи приложены къ оцѣнкѣ историческаго значенія русскаго города, не привели автора во многомъ къ такой точкѣ зрѣнія, которую раздѣлить нельзя. Авторъ вездѣ оцѣниваетъ устройство и управленіе русскихъ городовъ только съ точки зрѣнія ихъ мѣстныхъ общинныхъ интересовъ. Не различіе въ задачахъ управленія, а различіе въ степеняхъ самоуправленія дѣлаетъ городъ мертвымъ или живымъ органомъ государства. Всякій живой органъ живетъ во перв. собств. жизни, во втор. исполняетъ свою удѣльную службу въ жизни цѣлаго организма.

Спѣшимъ замѣтить, однако, что задача, понятая и так. об., отнюдь не лишается чрезъ то своего высокаго интереса.

Методъ изслѣдованій И. И. Дитятина есть методъ сравнительный въ лучшемъ значеніи его, т. е. не тотъ псевдосравнительный приѣмъ, который весь состоитъ въ сопоставленіи одного явленія съ другимъ (сходнымъ или противоположнымъ), при чемъ авторъ не заботится, что выходитъ изъ этого сопоставленія и выходитъ ли что-нибудь. Самыя первыя страницы 1-го тома открываются очеркомъ городского управленія въ западной Европѣ въ средніе вѣка.

Не считаемъ себя призванными входить въ оцѣнку этого „Очерка историческаго происхожденія городского самоуправления въ западной Европѣ“, который заключаетъ въ себѣ пять главъ („Значеніе западно-европейскихъ общинъ вообще и теорія германистовъ и романистовъ объ ихъ происхожденіи; возникновеніе западно-европейскихъ общинъ (нужно разумѣть городскихъ); развитіе городовъ въ Италіи; движеніе городовъ Германіи; города Франціи и Англіи. Паденіе городовъ“). Въ этомъ очеркѣ авторъ излагаетъ дѣло, руководясь всѣми авторитетнѣйшими писателями исторіи городовъ въ нѣмецкой и французской литературѣ.

Безукоризненное фактическое содержаніе очерка, хотя само по себѣ повидимому чуждо исторіи русскаго города, но нужно и умѣстно для двухъ цѣлей; воперв. для иллюстраціи исторіи русскаго города. Оно очевидно должно было служить къ рѣшенію вопроса: идетъ ли развитіе русскаго города по общимъ законамъ европейской исторіи, или нарушаетъ ихъ; должно ли быть признано это отступленіе за болѣзненную аномалію, или за здоровую оригинальность. Но сверхъ того въ данномъ вопросѣ сопоставленіе западно-европейской исторіи городовъ съ русскою имѣетъ и другое, не столь формальное значеніе. Эпоха исторіи русскихъ городовъ, избранная авторомъ, есть именно эпоха заимствованій въ русское право вообще и въ муниципальное право въ особенности западно-европейскихъ порядковъ.

Весьма интересно видѣть, какіе плоды принесло законодательное пересаженіе на нашу почву порядковъ, естественно возросшихъ на другой почвѣ.

Послѣдняя цѣль сравненія не упущена авторомъ изъ виду (т. I, кн. II, гл. I); авторъ ставитъ вопросъ: „Что заимствуетъ Петръ изъ западно-европейскихъ городскихъ учрежденій?“ И разрѣшаетъ его такъ: „Мы видѣли, что городское устройство западно-европейскихъ государствъ получило въ результатѣ вѣковаго развитія ихъ торгово-промышленнаго населенія, результатомъ вѣковой борьбы этого населенія съ феодальными владѣльцами и отдѣльныхъ элементовъ его между собою... Что же могъ заимствовать въ этомъ устройствѣ нашъ великій реформаторъ, откуда онъ могъ добыть активное, энергическое, торгово-промышленное городское населеніе, отсутствіемъ котораго страдало его отечество? Допустимъ, что онъ не задумается *создать* (авторъ самъ подчеркиваетъ это слово) это сословіе, но этимъ дѣло еще не кончается: нужно *создать* въ такомъ случаѣ самую общественно-городскую жизнь, общественно-городскіе интересы, не зависимые отъ интересовъ обще-государственныхъ“ (стр. 199—200).

Цѣль преобразования лежитъ не въ самыхъ городахъ (благостояніи ихъ населенія), а въ „исканіи и споспѣшествованіи пользы и благополучія его Великаго Государя“ (Регл. Гл. Маг.), т. е. преобразование совершается ради лучшаго и скорѣйшаго удовлетворенія общегосударственныхъ потребностей. Городское самоуправленіе является не цѣлью, а средствомъ.

Для этого Петръ, „тщательно снявъ оболочку западныхъ город-

скихъ учреждений, не трогаетъ зерна, лежащаго въ этой оболочкѣ; онъ подмѣняетъ его, вставляя свое; онъ прилаживаетъ эту оболочку къ содержимому, издавна вырабатываемому русской политической жизнию... Иначе и быть не могло. Перенести на русскую почву западно-европейское городское устройство съ его сущностію, общинной автономіей, значило стать въ противорѣчіе со всѣмъ ходомъ исторіи русскаго общества того времени... Независимые отъ государственныхъ общественные интересы и цѣли не имѣли въ глазахъ преобразователя почти никакой цѣны. Все это діаметрально противоположно духу и сущности западно-европейскихъ городскихъ учреждений, какъ они выработались исторіей," заключаетъ И. И. Дитятинъ (стр. 202).

Что же касается до перваго изъ поставленныхъ вопросовъ, т. е. до того, чѣмъ же въ сущности отличается исторія русскаго города отъ исторіи западно-европейскихъ городскихъ общинъ, — отвѣтомъ на это служить основное содержаніе всѣхъ трудовъ нашего автора, съ чѣмъ познакомимся ниже.

Фактическая сторона произведеній его заимствуется имъ изъ источниковъ первой руки, а именно I томъ его изслѣдованій основанъ на Полномъ Собраніи Законовъ, II-й на немъ же и рукописныхъ, архивныхъ матеріалахъ. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ приверженцевъ архивныхъ, неизданныхъ источниковъ, для которыхъ самый этотъ матеріалъ способенъ прикрыть всяческую бѣдность содержанія, добытаго изъ него. Но нашъ авторъ обратился къ нему не ради ненужной орнаментаціи, а потому, что иначе не откуда было ему почерпнуть отвѣты на нѣкоторые важные вопросы его труда; именно при помощи только этого источника ему удалось во II-мъ томѣ удачно изложить, какъ примѣнялись на практикѣ порядки, установленные закономъ въ городскомъ устройствѣ и управленіи. — Всякому извѣстно, сколько требуется добавочнаго труда при пользованіи нашими архивами.

Факты, добытые авторомъ, излагаются имъ съ объективною вѣрностію. Здѣсь опять нужна оговорка: и здѣсь мы разумѣемъ не тотъ лжеобъективизмъ, которымъ страдаетъ не малое число произведеній современныхъ историковъ — юристовъ и который состоитъ въ одномъ пересказѣ факта словами источника, при чемъ за фактомъ не выступаетъ никакой мысли изслѣдователя. И. И. Дитятинъ счастливо избѣжалъ Сциллы и Харибды, т. е. вездѣ освѣщаетъ фактъ мыслию, но не подчиняетъ его предвзятой идеѣ. Тѣ выводы, съ которыми, какъ уви-

димъ ниже, нельзя вполнѣ согласиться, явились не въ слѣдствіе органическихъ пороковъ въ приѣмахъ изслѣдованія, а въ слѣдствіе естественной односторонности всякаго изслѣдованія. Авторъ вездѣ даетъ возможность провѣрить его выводы и, пожалуй, придти къ другимъ; онъ не скрываетъ одного и не отгѣняетъ преднамѣренно другаго.

Оба главные сочиненія автора, взятые въ совокупности, представляютъ полную исторію русскаго городского управленія отъ Петра В. (1699 г.) до Положенія 1870 г. Въ частности I-й томъ содержитъ исторію городовъ въ XVIII в. (до Жалованной Грамоты 1785 г. включительно); II-й томъ—исторію ихъ въ XIX в. Авторъ обѣщаетъ изслѣдованіе о русскомъ городскомъ самоуправленіи по Положенію 1870 г.; это обѣщаніе уже исполнено отчасти предварительно въ брошюрѣ: „Наше городское самоуправленіе.“

Въ каждую изъ эпохъ изслѣдуемаго времени ему предстояло, согласно задачѣ, рассмотреть не только органы и функціи управленія, но и то, къ какому кругу лицъ они прилагались, т. е. изслѣдовать, что называлось городомъ или городскимъ обществомъ въ данную эпоху.

Сверхъ этихъ основныхъ предметовъ изслѣдованія, авторъ въ I томѣ съ большою подробностію рассматриваетъ вопросы, соприкасающіеся съ вопросомъ о городскомъ самоуправленіи, именно вопросъ объ артеляхъ и цехахъ и о городской полиціи. Наконецъ мы уже упоминали, что онъ не ограничивается изслѣдованіемъ законодательныхъ нормъ городского права, но знакомитъ насъ съ живыми подробностями ихъ примѣненія къ практикѣ.

Основная мысль I-го тома и, можно сказать, всей литературной работы автора, выражена имъ самимъ („нѣсколько словъ въ заключеніе,“ т. I, стр. 496 и „Наше городское самоуправленіе“) приблизительно такъ: городъ—государство удѣльно-вѣчеваго періода разрушенъ Московскимъ государствомъ; городского управленія въ точномъ смыслѣ не стало: всякое управленіе обнимало или части города, или весь уѣздъ со включеніемъ города. Московское государство не создаетъ и особаго органа (центрального) для завѣдованія *городскимъ населеніемъ* (т. е. торгово-промышленнымъ) цѣлаго государства.

Но если „московская старая политика закрѣпленія сословій должна была убить и дѣйствительно убила общину, въ смыслѣ земской автономической единицы, то новая политика петербургскаго періода должна была привести къ воскресенію этой общины“ (стр. 506). Од-

нако это творческое дѣло воскрешенія совершается не вдругъ. „Въ XVII и даже XVIII ст. можно говорить о *сословіяхъ*, пожалуй, *сословныхъ общинахъ*, но не объ обществѣ; его не существовало. Въ чемъ можно было ждать инициативы отъ этихъ тяглыхъ сословій или общинъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить знаменитая Екатерининская коммиссія“ (ibid.). Въ концѣ XVIII в. создается инициативною правительства настоящая городская община, или, какъ авторъ любитъ выражаться, „городъ какъ юридическое лицо,“ но уже, конечно не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ удѣльно-вѣчевую эпоху, т. е. безъ политической автономіи.

Почему государство, такъ долго находившее для себя выгоднымъ закрѣпощать городскія общины, вдругъ, во 2-й пол. XVIII в. начало эманципировать ихъ отъ собственной своей крѣпостной власти,—этотъ вопросъ авторъ не беретъ рѣшать; но положительно утверждаетъ, что созданіе городскихъ общинъ есть дѣло правительственной инициативы. „Существованіе этого факта (правительственной инициативы) едвали можно отрицать и въ наши дни. Въ немъ, заканчиваетъ авторъ, глубокая характеристическая черта историческаго развитія нашей общественно-государственной жизни“ (стр. 507).

И такъ смыслъ исторіи русскаго города заключается въ томъ, что онъ, разрушенный съ XIV ст. государственною центральною властію, создается въ концѣ XVIII в. этою же властію, которая и до сихъ поръ продолжаетъ свою зиждительную дѣятельность.

Самое общество, изъ котораго создается городъ, не существовало. И оно уничтожено московскимъ режимомъ; а затѣмъ и въ т. н. петербургскій періодъ неудача реформъ объясняется вѣковою отвычкою жителей отъ самоуправленія, вѣковымъ затменіемъ понятія объ общественныхъ интересахъ.

Уже и съ перваго взгляда (а priori) трудно согласиться съ этимъ выводомъ. Онъ противорѣчитъ извѣстной аксіомѣ естественныхъ и политическихъ наукъ: изъ ничего ничего не бываетъ. Государство своими законодательными мѣрами можетъ поддержать, или задержать готовыя начала; но въ созданіи ихъ оно бессильно. Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ государственной дѣятельности выражается всегда сознаніе и энергія народа, если только государство національно.

Потомъ, говоря объ общинахъ, полученныхъ петербургскимъ періодомъ отъ Московскаго государства, не слѣдовало упускать изъ виду,

что это былъ не единственный матеріалъ, къ которому прилагалась законодотельная дѣятельность новой Россіи; въ цѣлой западной половинѣ Имперіи всѣ городскія общины не проходили чрезъ московскій режимъ, а были нѣкогда устроены по магдебургскому праву, т. е. вполнѣ по началамъ западно-европейскихъ городскихъ общинъ. Вообще упущеніе изъ вниманія городскихъ общинъ западной Россіи должно отнести къ недостаткамъ разбираемыхъ сочиненій.

Что нибудь одно: или мысль объ „убіеніи“ общины въ XIV—XVI вв. неправильна, или надежды на воскресеніе ея въ XIX в. обманчивы.

Мы съ своей стороны думаемъ, что городская община не умирала, а потому не воскресала и не совсѣмъ согласна съ авторомъ ни на счетъ мѣръ истребленія ея въ Московскомъ государствѣ, ни на счетъ средствъ воскрешенія ея въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Въ очеркѣ: „Русскій городъ до Петра В.“ авторъ дѣлитъ исторію города на три періода: до XIII ст., отъ пол. XIV (быть можетъ XIII в.) до XVIII, и наконецъ XVIII и XIX вѣка. „Въ первый періодъ, періодъ удѣльно-вѣчевой, говоритъ онъ, значеніе нашего города напоминало роль средневѣковыхъ муниципій на западѣ“. Съ этимъ ни какъ нельзя согласиться. Нашъ городъ въ XI—XIII вв. напоминаетъ скорѣе классическое понятіе *polis* и *urbs*, чѣмъ средневѣковую общину. Тамъ городъ былъ государствомъ, здѣсь онъ стремился избавиться отъ феодальнаго государства. Исторія классическаго міра и наша начинается съ городовъ, исторія феодальной Европы—съ замковъ. Тамъ городъ былъ всесословною общиною, въ средне-вѣковой Европѣ мѣщанскою.

Напрасно авторъ ставитъ въ параллель съ борьбою западно-европейскихъ городовъ и феодаловъ борьбу Новгорода и Пскова съ великими князьями суздальскими и московскими. Это послѣднее явленіе есть борьба разныхъ государствъ между собою. Побѣда одного не есть побѣда государства надъ общиною. И притомъ на западѣ города помогали королямъ въ борьбѣ съ феодалами, а не боролись съ королями; тамъ независимость нѣкоторыхъ городовъ являлась результатомъ этой борьбы, здѣсь она была причиною борьбы, которая закончилась паденіемъ независимости.—Да авторъ и самъ говоритъ, что удѣльно-вѣчевой городъ не противопоставлялся землѣ, какъ отдѣльная сословная единица, а былъ главою земли, „политическимъ центромъ определен-

ной Земли“ (стр. 116), что уже отнюдь не прилагается къ средневѣковой муниципалитету.

Эта-то связь города съ землею и составляетъ отличительную, характерную черту исторіи русскаго города.

Ее слѣдуетъ наблюдать и въ слѣдующую Московскую эпоху; ее нужно принимать масштабомъ и при оцѣнкѣ реформаторства XVIII вѣка.

„Мѣстныхъ интересовъ (говоритъ авторъ) городское управленіе не успѣло выработать“ и въ удѣльно-вѣчевую эпоху (стр. 125). Но какъ же ему было и выработывать ихъ, когда городское управленіе было въ то же время и государственнымъ? Мѣстные интересы одной правящей общины, конечно, удовлетворялись и удовлетворялись разумѣется прежде всякихъ другихъ, ибо эта община была— „господинъ“ цѣлой Земли (см. напр. уставъ о мостовыхъ въ Вел. Новгородѣ). Мѣстные интересы пригородовъ также удовлетворялись пригороднымъ управленіемъ.—Да и что такое эти мѣстные интересы, какъ не интересы общегосударственные, исполняемые въ районѣ одной общины ея собственными силами, по ея инициативѣ? Городская община должна заботиться объ экономическомъ благосостояніи своего населенія, идти противъ бѣдствій голода, бѣдности, нищенства; должна заботиться о нравственномъ бытѣ населенія: устраивать общественныя школы, мѣста общественнаго богослуженія и т. д. Должна заботиться о безопасности населенія, устраивать полицейскій порядокъ и т. д. Но все это вмѣстѣ съ тѣмъ и задачи общегосударственныя.

Додумалась ли вѣчевая община (и государство) до сознанія всѣхъ этихъ потребностей или большей части ихъ—это другой вопросъ. Это вопросъ общей исторіи цивилизаціи; нельзя же обращаться къ младенческому обществу съ требованіями и запросами современнаго намъ общества.

И такъ очень естественно, что вѣчевая городская община не дала въ наслѣдство Московской эпохѣ сознанія *отдѣльности* городской общины отъ сельскихъ общинъ въ частности и отъ государства вообще, съ какими либо особыми интересами.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Московская эпоха не наслѣдовала отъ удѣльно-вѣчевой никакого понятія о городской общинѣ. Напротивъ такое понятіе, и притомъ весьма опредѣленное, было и въ Московскомъ государствѣ до XVII в. Это понятіе слѣд.: городъ есть

одна изъ общинъ мѣстнаго земства, вліяющая на управленіе (уже не политическое, а административное) прочими общинами земства.

Авторъ не согласенъ съ этимъ; онъ не согласенъ прежде всего съ тѣмъ, чтобы городская община сохранила въ Московскомъ государствѣ свою цѣльность. „Отдѣльныя общины, говоритъ онъ, (т. е. части города: концы, улицы и т. д.), лишившіяся связующаго начала въ государственномъ вѣчѣ, стали лицомъ къ лицу съ центральной Московской властію, которая... не могла содѣйствовать сліянію отдѣльныхъ общинъ городского населенія въ одну городскую общину“... (стр. 125). Словомъ города не стало; уцѣлѣли однѣ части его, съ которыми непосредственно сносятся государство.

Мысль ни согласная съ фактами. Всѣ города Московскаго государства, во все время существованія этого послѣдняго, составляли цѣльныя общины въ двоякомъ смыслѣ: во первыхъ—въ частноправномъ отношеніи, какъ лица, обладающія имущественными правами, правомъ собственности на общегородскія имущества (земли, дворы и лавки), правомъ входить въ обязательства, получать наслѣдства. Во вторыхъ—въ смыслѣ государственнаго права, какъ общины самоуправляющіяся, конечно подъ большимъ или меньшимъ контролемъ со стороны государства и его чиновниковъ. Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе первой мысли, которую и нашъ авторъ не имѣетъ въ виду, остановимся на второй. Уничтоженіе вѣча въ смыслѣ политическомъ, т. е. сувереннаго характера большихъ городовъ, не уничтожило въ городахъ органовъ самоуправления въ смыслѣ административномъ. Въ XVI вѣкѣ, который оставилъ намъ достаточно памятниковъ для рѣшенія этого вопроса, мы застаемъ въ каждомъ городѣ земскія избы. Это учрежденіе состоитъ изъ выборныхъ представителей города и земли: земскаго старосты, цѣловальниковъ и дьяковъ. Въ большихъ городахъ, какъ въ В. Новгородѣ коллегіальность и сложность этого учрежденія достигаетъ значительныхъ размѣровъ; тамъ избиралось пять старостъ по концамъ города, которые всѣ вмѣстѣ составляли одно общегородское управленіе. Во Псковѣ избирались общегородскіе старосты, независимо отъ старостъ, избираемыхъ по частямъ города. Лишь въ одной Москвѣ земская изба замѣнялась правительственнымъ центральнымъ учрежденіемъ—земскимъ приказомъ. Но это явленіе объясняется тою общею чертою тогдашней администраціи и судоустройства, по которой жители столицы во всѣхъ отношеніяхъ подчинялись прямо центральнымъ учрежденіямъ, не имѣя

своихъ мѣстныхъ. Органы самоуправленія укрылись въ частяхъ города Москвы—сотняхъ и слободахъ, въ которыхъ избирались сотскіе и старосты.

Кромѣ этихъ органовъ самоуправленія, городскія общины имѣли свои собранія, которыя естественно требовались уже тѣмъ, что члены городской администраціи должны быть избраны. Но избраніе не единственная функція городскихъ собраній; всякій болѣе важный предметъ хозяйства (передѣлъ городскихъ земель и проч.) и управленія (распредѣленіе налоговъ и проч.) рѣшается въ этихъ собраніяхъ. Въ „стар. акт. Шуи“ упоминается не разъ о *сходахъ* гражданъ то въ земской избѣ, то въ другихъ мѣстахъ (см. №№ 39, 153, 113).

Въ 1674 г. семь человекъ посадскихъ В. Новгорода подали челобитную о томъ, что кто-то „тайнымъ словеснымъ ложнымъ извѣтомъ“ донесъ на нихъ, „будто они, пришедъ въ земскую избу, всякія градскія дѣла спорятъ и къ выборамъ мірскіе люди рукъ не прикладываютъ будто для ихъ спору. А они въ земской избѣ никакихъ земскихъ дѣлъ не спаривали“ (челобит. XVII в. изд. Купріяновымъ. От. 3. 1855, СІ). Съ уничтоженіемъ новгородскаго вѣча не уничтожились городскія собранія административнаго характера.

Отношеніе самоуправления къ органамъ государственной (центральной) администраціи измѣнялось въ XVI и XVII вв. сообразно съ ходомъ общаго развитія государственной идеи. Въ пол. XVI в. въ провинціяхъ вовсе были уничтожены всякіе органы центральной правительственной власти и все управленіе возложено на органы самоуправления. Смутное время указало государству ошибочность этой системы; правда, въ эту тяжелую эпоху городскія общины оказали неизмѣримыя услуги государству; онѣ такъ сказать создали его вновь. Въ многихъ изъ нихъ приходилось обращаться къ древнѣйшимъ вѣчевымъ формамъ и исполнять въ своемъ районѣ всѣ общегосударственныя задачи (собирать войска, вести войну, производить налоги и т. д.). Но за то многія изъ этихъ общинъ и уклонились отъ общегосударственныхъ интересовъ: В. Новгородъ отложился опять отъ государства и для себя собственно избралъ царя въ лицѣ шведскаго королевича; Псковъ нашелъ своего царька въ своемъ такъ сказать удѣльномъ самозванцѣ. Тогда государство нашло необходимымъ отправить въ провинціи своихъ чиновниковъ съ задачею *контролировать* управленіе. Но со второй четверти XVII в. эта контролирующая власть воеводъ постепенно и

повсемѣстно обращается въ бюрократическую администрацію; контроль замѣняется дѣйствительнымъ управленіемъ въ ихъ рукахъ. Органы городского (и земскаго) самоуправленія обращаются во многихъ случаяхъ въ служебныя орудія воеводъ.—Но отнюдь нельзя сказать, что самоуправленіе городскихъ общинъ (какъ и сельскихъ) было истреблено въ конецъ. По одному сборнику актовъ одного города Шуи можно установить слѣд. перечень предметовъ дѣятельности и правъ городского управленія: право ходатайствовать объ оставленіи смѣняемаго воеводы еще на службѣ (Ст. Ак. № 104), объ увольненіи чиновниковъ приказной избы (169), объ отмѣнѣ сыщиковъ (187—189); право жалобъ на воеводу, губныхъ старостъ (35, 76), лицъ духовныхъ (32); ходатайство за членовъ общины, притѣсняемыхъ сильными сторонними лицами (№ 46, 79 и др.); относительно городского благоустройства: завѣдованіе мірскою богадѣльнею (№ 114, 157); устройство общежитія для празднопатающихся монахинь (56); наблюденіе за колдовствомъ и порчею (108 и 112); розыскъ преступниковъ (56, 94 и др.); устройство гостиннаго двора, наблюденіе за свободою судоходства по рѣкѣ (170—175), за мѣстами торговли (115). Въ одномъ случаѣ городъ на сходѣ производитъ мировое разбирательство между мѣстнымъ воеводою и кружечнымъ головою (110).

Причина упадка самоуправления заключается въ томъ, что съ теченіемъ времени все бѣльшая и бѣльшая масса лицъ, входившихъ въ районъ самоуправления, отторгалась отъ него. Сначала это были: дворяне и дѣти боярскіе, классъ дружинный съ древнѣйшихъ временъ и мало связанный съ мѣстными общинами; эти люди составляютъ собственно дворъ и лишь временно испомѣщены въ землѣ. Но съ постепеннымъ оземствованіемъ ихъ, классъ этотъ окрѣпъ, увеличился въ числѣ и возросъ въ своемъ земскомъ значеніи. Между тѣмъ прежніе органы самоуправления, завѣщанные еще удѣльною эпохою, не были рассчитаны на него; они состояли изъ представителей т. н. теперь тяглыхъ людей и потому простирали свою власть только на этихъ послѣднихъ. Въ городахъ дворяне и духовенство подлежали вѣдѣнію земской избы лишь въ той мѣрѣ, въ какой были заинтересованы въ имущественныхъ правахъ общины.

Затѣмъ усилившійся и осѣвшійся классъ дворянъ потребовалъ для своего содержанія *населенныхъ* имуществъ, крестьянъ. За стѣнами посадовъ начинались уже крѣпостныя общины и лишь кое-гдѣ черныя.

Вліяніе города на окружающую его землю или сократилось, или со всѣмъ уничтожилось.

Однако не только въ прежнее время (т. е. какъ въ земскую эпоху, такъ и въ Московскомъ государствѣ), но и въ XVII в. власть городской общины и органовъ самоуправленія простиралась на весь т. н. тогда уѣздъ. Сельскія общины и пригороды принимали б. или м. дѣятельное участіе въ этомъ самоуправленіи; но главная роль въ немъ принадлежала общинѣ городской. Въ этомъ отношеніи нашъ авторъ совершенно правъ, когда говоритъ, что городская община не имѣла *отдѣльнаго* самоуправления. Эта отдѣльность вовсе не имѣла мѣста въ общей системѣ русскаго госуд. права.

Оріентировавшись при помощи выраженныхъ сейчасъ понятій, приблизимъ возможность подлежащей оцѣнки мѣръ *воскрешенія* города въ XVIII в. Очевидно къ чему должны были клониться дальнѣйшія мѣры оживленія городской общины: онѣ должны бы заключаться въ увеличеніи правъ самоуправления, въ подчиненіи ему всѣхъ жителей города безъ различія и въ оживленіи связи города съ земствомъ.

Все дальнѣйшее изложеніе дѣла отличается у нашего автора такимъ подробнымъ и точнымъ анализомъ историческихъ данныхъ, что намъ остается лишь слѣдовать за нимъ.

Какія же мѣры были приняты въ дѣйствительность? Исторія ихъ распадается, по мнѣнію автора, на двѣ половины: съ перваго года XVIII в. до 1785 г., т. е. до Жалованной Грамоты городамъ, и потомъ съ 1785 г. до 1870 г.

Извѣстно, что реформаторская дѣятельность Петра В. дѣлится на двѣ части: съ перваго года XVIII ст. до 20-хъ годовъ этого ст. Петръ улучшаетъ и приводитъ въ порядокъ учрежденія, доставшіяся ему по наслѣдству; съ 20-хъ годовъ, съ учрежденія коллегій, онъ совершенно измѣняетъ прежнюю систему реформъ, чертитъ планы вновь, рассматривая государство какъ *tabula rasa*. Тоже свойство реформъ отразилось и на городскихъ учрежденіяхъ.

Въ первую эпоху учреждается бурмистерская палата и земскія избы. Палата, состоя изъ выборныхъ города Москвы, была мѣстнымъ общиннымъ управленіемъ этого города и въ то же время центральнымъ учрежденіемъ для высшаго управленія всѣми городами Имперіи.

Палата и избы ничѣмъ въ существѣ не отличались отъ прежнихъ земскихъ избъ, то есть ни составомъ своимъ, ни компетенціей. Земскіе

бурмистры это тѣже земскіе старосты или головы; власть ихъ по прежнему простирается на все тяглое населеніе округа, не успѣвше попасть въ частную крѣпостную зависимость, т. е. на посадскихъ и чернослободцевъ.

Со всѣмъ этимъ авторъ совершенно согласенъ.—Въ этой реформѣ нельзя не усмотрѣть однако важной и цѣнной особенности отъ учреждений Московскаго государства. Мы знаемъ, что городъ Москва не имѣлъ прежде цѣльнаго общиннаго управленія, подчиняясь земскому приказу. Теперь онъ получаетъ свой общинный органъ (хотя онъ въ тоже время становится и центральнымъ для всего городскаго управленія въ государствѣ). Эту новость нельзя не привѣтствовать, какъ разумную.

Но кромѣ этой особенности ничего нельзя отыскать новаго въ первоначальной петровской реформѣ (если не придавать особаго значенія перемѣнѣ именъ—старость въ бурмистровъ).

И такъ пока мы еще не нашли мѣры къ воскрешенію мнимо-убитой общины; пойдемъ далѣе. Въ 20-хъ годахъ, когда по философскому теоретическому плану, все государство перестраивается съ основанія, разрушается не только зданіе Московской эпохи, но и пристройки къ нему, сдѣланныя самимъ Петромъ.

По этому не стоило труда терпѣливо доискиваться, въ чемъ и какъ бурмистерская палата и земскія избы оказались несостоятельными; онѣ виноваты тѣмъ, что подлежали разрушенію, какъ въ знаменитой баснѣ: „Волкъ и Ягненокъ“. По правдѣ сказать основанія, которыми по мнѣнію И. И. Дитятина могъ руководствоваться законодатель при ихъ разрушеніи, намъ не кажутся твердыми. „Отъ бурмистровъ и вообще земскихъ выборныхъ нельзя было ждать чего-либо большаго, чѣмъ отъ приказныхъ“ (стр. 180). Положимъ такъ; но и отъ членовъ магистрата, какъ увидимъ ниже, нашъ авторъ не ждетъ и не получаетъ ничего большаго. Почему же Петръ могъ надѣяться?

Возвратимся опять изъ этого отступленія на главную дорогу.

И такъ послѣ разной мелочной ломки устраиваются магистраты, именно главный магистратъ въ Петербургѣ изъ чиновниковъ и городовые магистраты или ратуши по городамъ—изъ выборныхъ. По составу это учрежденіе гораздо ниже предшествующаго: главный магистратъ уже не общинная выборная коллегія какъ бурмистерская палата, а приказъ, совершенно Московскій приказъ, порученный кн. Трубецкому

и товарищу его гостю Исаеву, какъ бы ни маскировало его въ нашихъ глазахъ новое европейское имя. Никакой самостоятельности онъ, естественно, имѣть не можетъ („ежели въ Петербургѣ сихъ дѣлъ, т. е. магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ, или полгода, то ты (кн. Трубецкой) и товарищъ твой Исаевъ будете въ работу каторжную посланы“ писалъ царь). Нашъ авторъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ подмѣтилъ мысль Ордина—Нащюкина о необходимости для купеческихъ дѣлъ „одного пристойнаго приказа“, и теперь находитъ въ главномъ магистратѣ осуществленіе этой мысли. Въ системѣ центральной администраціи такой органъ можетъ быть и былъ нуженъ (однако полагаемъ, что въ приказѣ для завѣдованія торговыми *людьми*, надобности не настояло; нуженъ былъ особый приказъ для завѣдованія торговлею, и эта роль была возложена Петромъ на коммерцъ-коллегію). Но нуженъ ли былъ такой *центральный приказъ для общиннаго городского самоуправления?* Для исторіи этого послѣдняго какую важность можетъ имѣть новое центральное бюрократическое учрежденіе? Оно можетъ имѣть огромную важность, но именно отрицательную: вся задача его существованія состоитъ во вмѣшательствѣ въ самоуправленіе, или точнѣе: оно только и управляетъ, а выборные городовые магистраты—его послушныя орудія. Авторъ мѣтко называетъ главный магистратъ рычагомъ, который дѣйствуетъ на послушныя шестерни—городовые магистраты.

Вотъ новая мѣра, созданная XVIII-мъ вѣкомъ; но способна ли она воскресить городскія общины, предположивъ ихъ убитыми въ Московскую эпоху?

Что касается до городовыхъ магистратовъ и ратушъ, то по своему составу они ни чѣмъ, кромѣ имени, не отличаются отъ земскихъ избъ. Даже болѣе, по словамъ нашего автора, здѣсь совершилось замѣтное движеніе назадъ: выборы отданы подъ приказъ вице-губернаторамъ и губернаторамъ; производятся выборы только кандидатовъ, а утвержденіе зависитъ отъ главнаго магистрата. Самъ авторъ видитъ здѣсь странную копію нѣмецкаго городского устройства въ эпоху приближенія его къ своему паденію.

По компетенціи городовые магистраты, по мнѣнію нашего автора, ни чѣмъ не отличаются отъ прежнихъ городскихъ учрежденій, т. е. они остаются сборщиками податей (хотя это и не вполне вѣрно; въ законѣ имъ указано народное образованіе, призрѣніе и полиція; но изъ

этого не слѣдуетъ, что прежнія городскія учрежденія не пользовались *правомъ* заводить школы, богадѣльни и проч., а равно не слѣдуетъ, что теперь они тотчасъ явились въ городахъ, какъ упомянулъ о нихъ законъ).

По полнотѣ власти магистраты опять стоятъ ниже земскихъ избъ. Мы уже упомянули, что они лишь орудія въ рукахъ главнаго магистрата. Но нашъ авторъ справедливо указываетъ еще, что хотя магистраты „не должны быть подчинены губернаторамъ и воеводамъ въ томъ что до градскаго суда и экономіи касается“, но они сносятся съ главнымъ магистратомъ — своимъ „командиромъ“ чрезъ губернаторовъ и так. обр. эти послѣдніе становятся для нихъ среднею высшею инстанціею.

Словомъ ни въ составѣ, ни въ правахъ, ни въ силѣ власти магистратовъ нашъ авторъ не находитъ тѣхъ мѣръ, которыми бы можно было воскресить городскую общину.

Но переходя къ кругу лицъ, подчиненныхъ магистратамъ, онъ усматриваетъ наконецъ одну особенность, которая, по его мнѣнію, должна считаться первымъ шагомъ къ такой важной цѣли. Дѣло въ томъ, что *магистратамъ подчиняются только жители города, и отнюдь не уѣзда*; самоуправленіе городской общины уже не простирается на крестьянъ.

Дѣйствительно эта мѣра совершенно новая. Ею въ первый разъ вводятся у насъ муниципальныя учрежденія, не существовавшія ни въ древней Руси, ни въ Московскомъ государствѣ. Самоуправленіе городовъ отдѣляется отъ общаго провинціального.

Но въ самомъ ли дѣлѣ эта мѣра такая желательная и такая дѣйствительная? Какъ обр. городскому самоуправленію оказывается услуга тѣмъ, что оно ограничивается только стѣнами города? Почему отчисленіе нѣкоторыхъ лицъ, живущихъ внѣ города, отъ вліянія этого самоуправления должно воскресить городскую общину?

Нѣтъ никакихъ причинъ думать, что муниципальныя учрежденія сословныхъ государствъ суть единственно пригодныя. Городская община (какъ и сельская) можетъ имѣть свое отдѣльное самоуправленіе, но нельзя согласиться, чтобы всякій городъ, при все-сословномъ составѣ населенія, непременно нуждался въ томъ, чтобы его самоуправленіе было изолировано отъ общаго земскаго. Дробленіе самоуправляющихся единицъ на мелкія части качественно понижаетъ и

достоинство самоуправления. Въ западной Европѣ подъ именемъ города разумѣлась община торгово-промышленная и потому очень понятно, что и послѣ освобожденія сельскихъ общинъ городъ могъ стремиться къ сохраненію отдѣльнаго управленія.

И такъ полагаемъ, что для самаго города эта отдѣльность едва ли желательна. Для судьбы же сельскихъ общинъ она совсѣмъ не желательна. Со времени отдѣленія городовъ отъ общинъ черныхъ или такъ наз. казенныхъ крестьянъ, эти послѣдніе склонились къ положенію крѣпостныхъ и потребовали освобожденія наравнѣ съ крѣпостными.

Понятно, почему возникла при Петрѣ эта мысль объ отдѣленіи городовъ отъ сель.

По мысли Петра власть магистратовъ (и понятіе города) простирается только на *торгово-промышленную часть городского населенія*. Учрежденіе магистратовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и актъ учрежденія у насъ средняго, мѣщанскаго сословія. Это нашъ авторъ отмѣчаетъ, какъ особенность, задержавшую развитіе городскихъ общинъ, и мы въ томъ совершенно согласны съ нимъ. Только не совсѣмъ понятно, какъ помирить это справедливое осужденіе запоздалаго и искусственнаго образованія сословій, съ слѣд. словами того же автора: „объединеніе (отдѣльныхъ городскихъ общинъ, якобы расторгнутыхъ Московскимъ государствомъ) возможно было только путемъ самодѣтельнаго активнаго развитія *городскаго торгово-промышленнаго населенія*...“, какъ на это указываетъ исторія западно-европейскихъ городовъ“ (стр. 126)? И дѣйствительно изъ его же образцоваго очерка этой исторіи всякій видитъ, что западно-европейскія городскія общины состояли изъ такого населенія, которое называется среднимъ или бюргерскимъ. И тамъ понятіе о городской общинѣ, какъ общинѣ всѣхъ лицъ, населяющихъ городъ, есть понятіе сравнительно новое.

Во всякомъ случаѣ такъ какъ идея „мѣщанскаго“ города совершенно чужда нашему праву, то вмѣстѣ съ авторомъ и мы осуждаемъ начавшійся съ учрежденія магистратовъ сословный строй нашего городского управленія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не замѣтить, что отдѣленіе отъ городского управленія уѣздныхъ людей есть только вторая сторона той же самой сословной идеи.

И такъ въ концѣ концовъ и въ составѣ лицъ, подчиненныхъ ма-

гистратамъ мы, не отыскиваемъ мѣры для возстановленія якобы погубленной городской общины. Даже наоборотъ отыскиваемъ нѣкоторыя новыя препятствія для правильнаго развитія городской общины.

Отъ преемниковъ Петра, занимавшихся то уничтоженіемъ, то возстановленіемъ магистратовъ, нельзя и ожидать какой-либо зиждительной мѣры. Проидемъ ихъ въ молчаніи до Екатерины II.

Вотъ имя, съ которымъ нашъ авторъ свѣдываетъ существенный переворотъ въ исторіи русскаго города, приписывая ей мысль о городѣ какъ совокупности всѣхъ жителей его безъ различія сословій, въ смыслѣ юридическомъ (т. е. въ смыслѣ самоуправляющейся общины).

Мы сами во многомъ преклоняемся предъ планами и учрежденіями великой Государыни. Но нельзя же приписывать ей то, чего не только она не имѣла въ виду, но что совершенно противорѣчило ея политическому идеалу. Извѣстно, что всѣ ея учрежденія проникнуты сословнымъ духомъ, что напр. по Учрежденію о губерніяхъ не осталось въ провинціяхъ ни одного общаго органа (кромѣ намѣстника) для суда и управленія всѣхъ гражданъ безъ различія сословій. Это по справедливости считается единственнымъ, но за то роковымъ порокомъ ея учрежденій. Въ оправданіе великой законодательницы слѣдуетъ сказать, что ея предшественники, со временемъ Петра, успѣли вкоренить весьма прочно въ нѣкоторой части населенія сословный духъ и предразсудки. Она не сама создала ихъ, и должна была съ ними считаться.

Кромѣ Учрежденія о губ. основная мысль Екатерины выражена ею въ Наказѣ, въ Жалованной дворянской грамотѣ и проч. Въ соотвѣтствіе дворянской грамотѣ издается въ 1785 г. Жалованная городская грамота. Всякій ожидаетъ, что если въ первой содержатся привилегіи для дворянъ, то во второй должны быть такія же привилегіи для горожанъ (средняго сословія).

Между тѣмъ И. И. Дитятинъ находитъ, что именно Екатерина, именно въ грамотѣ 1785 г. кладетъ основаніе для новаго *понятія о городѣ, какъ сословной общинѣ*.

Здѣсь чувствуется какое то большое недоразумѣніе. Придется остановиться на немъ съ позволенія читателя, такъ какъ авторъ придаетъ этому обстоятельству большое значеніе (напрасно, какъ мы думаемъ и постараемся разяснить ниже).

Первый признакъ сословности авторъ находитъ въ учрежденіи

сначала временной, а потомъ постоянной должности городского головы (съ 1767). Но это званіе, созданное лишь для предсѣдательства при выборахъ въ комиссію 1767 г., до 1785 г. не имѣло никакого значенія въ мѣстной городской администраціи. Оно создано политическими, государственными интересами, а не задачами городского самоуправления.

Между тѣмъ одновременно изданный Наказъ и послѣдующіе акты продолжаютъ такъ отвѣчать на вопросъ: „Что есть городъ“? „Въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ и въ наукахъ. Сей родъ людей... есть средній. Онъ пользуется вольностію, не причисляясь ни къ дворянству, ни къ хлѣбопашцамъ“ (Нак. гл. XV ст. 359).

Переходя къ самой Жалов. грам. городамъ 1785, находимъ въ ней такое понятіе о городѣ: „городскихъ обывателей средняго рода людей, или мѣщанъ названіе есть слѣдствіе трудолюбія, или добронравія“ и т. д. (ст. 80). Цѣлый рядъ статей („о личныхъ выгодахъ городскихъ обывателей, средняго рода людей или мѣщанъ вообще“) посвященъ изложенію сословныхъ привилегій, въ соотвѣтствіе дворянскимъ привилегіямъ, дарованнымъ дворянскою грамотою. Въ 13-й ст. Положенія, которая говоритъ „о дворянахъ, кои дома, сады, мѣста и землю имѣютъ въ городѣ или предмѣстьи“, опредѣленно говорится, что „ради дворянскаго достоинства благородные освобождаются отъ личныхъ“ податей и службъ и что вся связь ихъ съ городомъ состоитъ только въ уплатѣ городскихъ налоговъ. Въ гл. „о городскихъ обывателяхъ“, равно какъ и въ другихъ, названія: мѣщанинъ и городской обыватель употребляются какъ синонимы (см. въ особенности ст. 35, 51, 56 и др.)

Все это отмѣчаетъ самъ авторъ; но находитъ въ понятіи о городѣ Жалов. грамоты 1785 двойственность и запутанность.

До сихъ поръ мы видимъ въ этомъ понятіи точность и ясность опредѣленія города какъ сословной общины.

Иное, противоположное понятіе авторъ отыскиваетъ въ другихъ статьяхъ грамоты, а именно въ 77-й: „подъ городскими обывателями разумѣются всѣ тѣ, кои въ городѣ или старожилы, или родились, или поселились, или дома, или иное строеніе, или мѣста, или землю имѣютъ, или въ гильдіи, или въ цехъ записаны, или службу городскую отправляли, или въ окладъ записаны и потому городу носятъ службу или тягость“.

Определение, очевидно, неясное. Желаетъ ли здѣсь законодательница обозначить кругъ тѣхъ лицъ „средняго рода людей“, которые въ *данномъ городѣ* имѣютъ права, или она желаетъ опредѣлить кругъ всѣхъ лицъ, составляющихъ *всякую городскую общину?*

Скорѣе первое, чѣмъ второе, если толковать текстъ акта сообразно съ другими мѣстами его, болѣе ясными.

Но законодательный актъ, подлежащій исполненію, не есть только литературный памятникъ, допускающій возможность толкованій по догадкамъ. Имъ создается извѣстный порядокъ жизни, который у всѣхъ на глазахъ. Этотъ порядокъ продолжался (съ нѣкоторыми перерывами) до нашихъ дней—до 1870 года. Кто же будетъ сомнѣваться, что этотъ порядокъ и актъ, на которомъ онъ основанъ, понимали подъ городскимъ обществомъ купеческо-мѣщанское, подъ городскимъ управленіемъ—сословное? Въ чемъ же и смыслъ положенія 1870 г., какъ ни въ уничтоженіи этого мѣщанскаго управленія и введеніи сословнаго?

Не сомнѣвается въ этомъ и самъ авторъ, который говоритъ, что „городское собраніе“ по Своду Законовъ есть только подражаніе дворянскимъ собраніямъ и явилось результатомъ стремленій Екатерины II изъ торгово-промышленнаго населенія города создать какое-то особое сословіе, пользующееся особыми правами и привилегіями“ (т. II, стр. 150). „Едва ли можно отрицать, продолжаетъ онъ, что и такое постоянное учрежденіе, какъ депутатское собраніе, родилось точно также подъ вліяніемъ мысли создать изъ городскихъ обывателей—при томъ на этотъ разъ какъ будто изъ обывателей вообще—единое сословіе---третье въ *pendant* дворянскому“ (*ibid.* стр. 151). (Изъ „всѣхъ обывателей“, *со включеніемъ дворянъ*, создать особое третье сословіе въ *pendant* дворянскому довольно трудно).

Но представимъ себѣ, что въ мысляхъ Екатерины, а за нею и редакторовъ Свода, проскользнуло темное намѣреніе ввести въ городское управленіе и тѣхъ городскихъ обывателей, которые не принадлежатъ къ мѣщанскому сословію. Вѣковая практика указала, что на дѣлѣ восторжествовали другія противоположныя мысли той же законодательницы, именно мысли о сословномъ строѣ городского управленія.

И такъ думаемъ, что авторъ напрасно отнесъ къ 1785 году основную мысль город. положенія 1870 года. Напрасно съ 1785 года начинается онъ новую эру исторіи идеи города. Городъ до послѣдняго вре-

мени разсматривался какъ сословная община и городское самоуправленіе, какъ сословное.

Но если бы даже и такъ, если бы съ 1785 года явилось новое понятіе о городѣ, какъ всесословной общинѣ, на столько ли важно это обстоятельство, чтобы съ него начинать новую жизнь русскаго города? Можно ли думать, что именно въ слѣдствіе одного этого городъ является автономною общиною, а безъ этого условія не можетъ быть ею ни въ какомъ случаѣ? Отвѣтимъ прежде на послѣднее. Авторъ очень цѣнить средневѣковое городское право. И дѣйствительно, высшей автономіи городъ никогда не достигалъ въ новой Европѣ. Но тогда-то именно городъ состоялъ изъ одного бюргерскаго сословія.

Русскій городъ съ 1870 года становится всесословнымъ, но можно ли утверждать, что съ этого времени онъ дѣйствительно сдѣлался вполнѣ автономною (въ административномъ смыслѣ) общиною?

Пусть авторъ рѣшить самъ этотъ вопросъ въ обѣщанномъ 3-мъ томѣ своихъ изслѣдованій.

М. В. Вудановъ.

3 сент. 1878 г.

Кіевъ.

